
ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 9—24.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 9—24.

Научная статья

УДК 930.2(37).08

DOI: 10.46725/IW.2022.4.1

ПЕРЕПИСКА В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ: О РОЛИ НЕКОТОРЫХ КУРЬЕРОВ СИДОНИЯ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ «ЭПИСТОЛЯРНОЙ СЕТИ» (по письмам IV. 4, IV. 7, IV. 12)

Елена Викторовна Литовченко

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия,
litovchenko@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1203-6049>

Елена Александровна Семичева

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия,
semicheva@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8969-0022>

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа переписки как самого востребованного в позднеантичном обществе средства коммуникации, в контексте ее эволюции в «эпистолярную сеть», которая в качестве корреспондентов включала представителей интеллектуальной элиты Латинского Запада IV—VI вв., поддерживавших связи посредством регулярного обмена письмами. В зарубежной и отечественной

историографии вопросы способов связи, в частности, выбора курьеров, остаются на периферии исследовательского интереса. Авторский перевод и анализ содержания отдельных посланий Сидония Аполлинария, представлявшего верхушку позднеримского нобилитета V в. н. э., позволяет не только понять мотивацию позднеантичной интеллектуальной элиты в выборе посредников, но и реконструировать некоторые механизмы функционирования «эпистолярных сетей» позднеантичного мира. Используя микроисторический подход, авторы статьи приходят к выводу, что письма демонстрируют диаметрально противоположное отношение к курьерам, которое обусловлено социальными и культурными различиями между ними. При этом целью нескольких посланий Сидония было не столько получение или сообщение сведений, сколько установление и поддержание каналов связи с важными корреспондентами. Эпистолярная сеть давала возможность влиять на социальное окружение или демонстрировать свою влиятельность, представив «почтальона» человеку своего круга. Это было особенно ценно в трансформирующейся социальной и политической среде позднеантичного Запада в период его заката в 470-е гг., когда практически утрачивают свое значение привычные статусные маркеры, прежде всего, имперские посты, и привилегированное положение можно было подтвердить социальными связями с себе подобными. Постоянно циркулирующая корреспонденция как занятие, свойственное только людям высокообразованным, была способом ощутить свою исключительность, прочувствовать некоторую устойчивость привычного образа жизни на фоне общей нестабильности политической ситуации.

Ключевые слова: поздняя античность, эпистолография, эпистолярная сеть, интеллектуальная элита, Сидоний Аполлинарий, курьеры

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00284 «Социальные сети как механизм влияния в общественно-политической и духовной жизни латинского Запада в IV—VI вв.» URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00284>.

Для цитирования: Литовченко Е. В., Семичева Е. А. Переписка в поздней античности: о роли некоторых курьеров Сидония в функционировании «эпистолярной сети» (по письмам IV. 4, IV. 7, IV. 12) // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 9—24.

CORRESPONDENCE IN LATE ANTIQUITY: ON THE ROLE OF SOME COURIERS OF SIDONIUS IN THE FUNCTIONING OF THE “EPISTOLARY NETWORK” (from letters IV. 4, IV. 7, IV. 12)

Elena V. Litovchenko

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia,
litovchenko@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1203-6049>

Elena A. Semicheva

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia,
semicheva@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8969-0022>

Abstract. The article deals with the analysis of correspondence as the most demanded means of communication in Late Antique society, in the context of its evolution into an “epistolary network”, which included representatives of the intellectual elite of the Latin West of the 4th—6th centuries as correspondents, who maintained contacts through a regular exchange of letters. The author’s translation and analysis of the content of personal epistles of Sidonius Apollinaris, who represented the top of the Late Roman nobility, allows to understand the motivation of the Late Antique intellectual elite in choosing the mediators and to reconstruct some of the functioning mechanisms of the “epistolary networks” of the Late Antique world. On the base of microhistorical approach, the authors conclude that the letters demonstrate opposed attitude towards couriers, which is due to social and cultural differences between them. At the same time, the purpose of Sidonius’ letters was not so much to communicate, but to maintain channels of communication with important correspondents. The epistolary network made it possible to demonstrate one’s influence introducing the “postman” to another person. This was especially valuable in the transforming social and political situation of the Late Antique West during its decline in the 470s, when the usual status markers, primarily imperial posts, practically lose their significance, and social ties specifically could confirm a privileged position. The constantly circulating correspondence, as an occupation peculiar only to highly educated people, was a way to feel one’s exclusivity, to feel some stability of the usual way of life against the background of the general instability of the political situation.

Keywords: Late Antiquity, epistolography, epistolary network, intellectual elite, Sidonius Apollinaris, couriers

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation 22-28-00284 “Social networks as a mechanism of influence in the socio-political and spiritual life of the Latin West in the IV—VI centuries”. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00284>.

For citation: Litovchenko, E. V and Semicheva, E. A. (2022), ‘Correspondence in late antiquity: on the role of some couriers of Sidonius in the functioning of the “epistolary network” (from letters IV. 4, IV. 7, IV. 12)’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 9—24 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Проблема «маленького человека» на сегодняшний день занимает одно из ведущих мест в гуманитарных исследованиях. Во многом такая ситуация стала возможной благодаря развитию «микроистории» как направления исторического знания (Д. Леви, К. Гинзбург, Ж. Ревель, В. Ульрих) [История ментальностей..., 1996]. Микроисторики акцентируют внимание на судьбах конкретных индивидов на фоне исторических событий, что позволяет раскрыть существовавшие для индивида поведенческие альтернативы, выявить его личный выбор, мотивы этого выбора, его последствия. Полнота подобных микроданных помогает персонифицированно проследить и изменение индивида, и связь таких изменений с окружающей социальной средой. Основными источниками при таком методологическом подходе становятся «эго-документы» — биографии, мемуары, дневники и письма, которые дают возможность понять человека и его поступки в конкретной ситуации, выявить то, что отличает его повседневность от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах. Это, в свою очередь, обеспечивает устойчивый интерес к эпистолярному жанру, который был необычайно развит в период поздней античности, поскольку именно переписка фиксирует движения души человека, а также события повседневности, связанные с самыми разными субъектами окружающего писателя социума.

Историографический обзор. Сидоний Аполлинарий (ок. 430 — ок. 486), представлявший верхушку позднеримского

нобилитета, сын, внук и правнук префектов, который также добился этой высочайшей должности, но впоследствии оставил светскую службу и посвятил себя Церкви, — один из признанных авторитетов латинской риторической словесности — автор коллекции из 147 сохранившихся посланий.

На фигуре этого яркого представителя позднеантичной интеллектуальной традиции латинского Запада и его обширном эпистолярном наследии концентрируется внимание отечественных и зарубежных антиковедов на протяжении нескольких последних десятилетий. В коллективной монографии под редакцией британско-нидерландского научного друга Гэвина Келли и Йупа ван Ваардена раздел, в котором собраны все исследования (как зарубежные, так и отечественные) по Сидонию Аполлинарию, изданные с XIX по XXI вв., насчитывает почти шесть десятков страниц [The Edinburgh Companion..., 2020: 737—796]. Востребованность письменного наследия Сидония объясняется как тем обстоятельством, что автор жил в переходную эпоху, и его судьба представляла собой одну из моделей «выживания» в транзитивный период, так и содержанием его стихов и писем, по которым реконструируется повседневность поздней античности. При этом исследовательский фокус преимущественно направлен на анализ содержания сочинений (поэзии и писем) на фоне транзитивных процессов V в. В силу популярности нашего автора среди исследователей делать подробный историографический обзор в рамках статьи считаем нецелесообразным, заметим лишь, что интересующих нас аспектов проблемы отчасти касались Эндрю Джиллет, который демонстрирует более общий подход к теме, рассматривая роль и функции официальных посольств в позднеримский и постримский периоды исключительно в политическом контексте [Gillett, 2003], и Ральф Матизен в статье, посвященной краткому обзору персоналий, которых Сидоний использовал в качестве курьеров [Mathisen, 2020]. В работе последнего курьерам посвящена одна страница издания, третья часть которой отведена статистическим данным о количестве и социальном составе посыльных, поэтому о сравнительном анализе отношения к людям, доставлявшим письма, речь не идет.

Постановка вопроса. Нам представляется принципиально важным, что переписка, которая в позднеантичном обществе

являлась самым востребованным средством коммуникации, эволюционировала в структурированное целое, своеобразную «эпистолярную сеть», и в этом смысле обладает большим потенциалом в выявлении среды и механизмов социального влияния. Остающиеся до настоящего времени на периферии исследовательского интереса вопросы предпочитаемых авторами писем способов связи, в частности, курьеров, представляют относительно новый аспект «сидониевых штудий», что, с учетом авторского анализа содержания отдельных посланий, позволяет не только понять мотивацию позднеантичной интеллектуальной элиты в выборе посредников, но и реконструировать механизмы функционирования «эпистолярных сетей» позднеантичного мира.

Методология и методы исследования

В соответствии с заявленной проблематикой работа основана на комплексном подходе к анализу источников и микроисторическом подходе, в рамках которого в исследовательском фокусе находятся не макрообъекты и не крупные исторические деятели, а субъекты локальной истории, из действий которых складывается, в конечном итоге, общая целостная картина бытия изучаемой эпохи. В работе применены историко-сравнительный и ретроспективный методы.

В качестве основного источника используются письма Сидония Аполлинария, опубликованные на латинском языке под редакцией К. Лютйохана и Б. Крюша [*Apollinaris Sidonii Epistolae ...*, 1887]. В русле комплексного подхода к источникам мы обращались к эпистолярным коллекциям позднеантичных авторов, предшественников, современников и последователей Сидония: Квинта Аврелия Симмаха (ок. 345 — 402) [*Q. Aurelii Symmachi Quae supersunt ...*, 1883], Руриция Лиможского (ок. 440 — ок. 510) [*Ruricii Epistularum libri duo ...*, 1891], Авита Вьеннского (ок. 450 — ок. 518) [*Alcimi Edicii Aviti Viennensis episcopi Opera quae supersunt ...*, 1883] и Эннодия (ок. 473 — 521) [*Ennodius Magnus Felix. Opera omnia ...*, 1882], изданных в сериях «Памятники германской истории» и «Корпус латинских церковных писаний».

Основная часть

Для доставки своих сообщений Сидоний прибегал к помощи курьеров, знакомых ему и достаточно надежных людей, чтобы можно было доверить им личные письма. Вопрос доверия в те беспокойные времена был очень важен, поскольку существовала вероятность «перехвата» письма, поэтому в позднеантичных посланиях зачастую довольно сложно найти точное описание конкретных исторических событий, в большинстве случаев это туманные намеки или завуалированные фразы, по которым можно только догадываться, о каких обстоятельствах идет речь. Например, одно из писем Авита (ок. 450 — ок. 518) к брату Аполлинарию содержит такие намеки на некоторые исторические события. Он пишет: «...Я подозреваю, что теперь до твоих ушей также дошло, что те люди, которые, ... опустошали наши территории, ушли» (Avit. Ep. 87)¹, имея в виду остготов, разорявших долину Роны, без упоминания названия самого народа. Другой пример дает нам Руриций из Лиможа (ок. 440 — ок. 510): подразумевая вторжение франков в Вестготское королевство, он лишь упоминает о «временных беспорядках» (*tumultibus temporis*) (Ep. II. 41). Эннодий (ок. 473 — 521) в своей переписке освещает события «Лаврентиевой схизмы» (498—506), вуалируя их метафорами. Автор представляет общую картину жизни Рима, охваченного волнениями опасных «врагов» и «несчастьями, о которых все сожалеют» (Ennod. Ep. I. 3). В письме Констанцию упоминаются «драки, проистекающие из дьявольского вдохновения» (Id. Ep. II. 19), а также «раскольнические суждения» (Ibid.) В целом, книги I и II изобилуют намеками на «несчастья нашего времени» (Id. Ep. II. 18) и «катастрофы, вызванные врагами» (Id. Ep. II. 10), которые Эннодий, при этом, никак не идентифицирует.

Сложности в доставке корреспонденции, напротив, прямо отмечаются многими позднеантичными авторами. Так, Авит упоминает о том, что одна из книг его посланий стала достоянием общественности после того, как была перехвачена в процессе доставки (Ep. 43 и 51). В те времена и даже раньше это было обычным делом: Симмах (ок. 345 — 402) жаловался, что люди воруют его корреспонденцию на ее пути к получателям (Symm. Ep. II. 12;

¹ Здесь и далее перевод наш, если не указано иное.

II. 48), а Сидоний писал, что его письма перехватывают на дорогах вестготы (Sid. Ep. IX. 3; IX. 5), также и Авит обвинил остготов в том, что они похитили письмо бургундского короля Сигизмунда к императору Анастасию (Ep. 94). Этот риск заставлял эпистолографов оставлять за рамками письма такие детали, которые могли повредить репутации или, хуже того, привести к обвинению в предательстве. В подобных ситуациях авторы писем наиболее важную информацию предпочитали передавать «на словах». В письме епископу Евфразию Руриций пишет: «Но что касается реальной потребности или того, что, в частности, мне кажется, должно быть сделано, я добросовестно сообщил устно через вашего дьякона...» (Rur. Ep. II. 29). Поэтому выбор проверенного человека представлялся важным, а некоторые люди использовались в подобном качестве неоднократно.

Двое из таких персонажей рассматриваются в четвертой книге посланий Сидония. Курьеры, подвизавшиеся на этой службе, как правило, нуждались в какой-либо помощи автора писем, чаще всего в его рекомендациях, или могли быть его клиентами. По большей части курьерами были представители низших сословий позднеримского общества, хотя среди почтальонов Сидония встречаются и люди благородного происхождения. Ральф Матисен указывает 27 носителей писем галло-римского аристократа и епископа, 14 из которых — безымянные, называемые просто *gerulus litterarum* (письмоносец) или *oblatores apicum* (даритель письма) [Mathisen, 2020: 67] Последнее название связано с отношением к письму, как к дару: для Руриция «послание ... это дар для получателя без потери для дарителя...» (Rur. Ep. II. 5); получение письма для Эннодия — это подарок (*munera*), а возможность, предоставляемая носителем писем, — «высшая из радостей» (Ennod. Ep. VI. 2).

При этом в некоторых письмах курьеры удостоены довольно развернутого описания, как, например, некий Аманций, купец из Оверни, который, в силу специфики своей деятельности, часто путешествовал и мог доставлять послания. Судя по сдержанному неодобрению, выражаемому благородным Сидонием, Аманций был пройдохой (Сидоний называет его мошенником (*praestigiator*): Ep. VI. 8), но его полезность нивелировала в глазах галло-римского нобили отрицательные черты. Однако прямо

посвящены самим курьерам, а не личным делам автора посланий, письма IV. 4 и IV. 7, анализ которых предпринят в данной статье.

Первое письмо Сидония (Ер. IV. 4), датированное 472 г., адресовано родственникам — брату Симплицию и дяде Аполлинарию. Его цель — представление курьера, не раз доставлявшего письма Сидония ранее (например, Ер. IV. 6, 1). Сидоний демонстрирует максимальное расположение к этому человеку, называя его другом и братом. Общее прошлое, наполненное элементами аристократического *otium*, позволяет предполагать с большой долей вероятности, что Фаустин представлял senatorскую аристократию, а после принятия христианства обрел сан священника (Ibid.). Вот что пишет о нем епископ Клермона:

«Сидоний приветствует своих Симплиция и Аполлинария.

[1] Наконец, я посылаю обещанного Фаустина, которого вы ожидаете; он — отец семейства благородного происхождения и человек, которого признают одним из славнейших [мужей] нашего Отечества. Многие годы я считаю его своим братом, по общности чувств он — друг мне. Как часто мы проводили время вместе, перемежая веселье серьезными делами! Как часто в далекие дни нашей юности мы вместе играли в мяч и в кости, соревновались в прыжках, беге, охоте или плавании, всегда [оставаясь] честными соперниками, т. к. [являлись] близкими друзьями. Он старше меня, но ненамного; эта разница [в возрасте такого свойства, что] не обязывала меня уступать ему, при этом не заставляла ему подражать; он также более обаятелен, вызывая [тем самым] не только почтение, но и любовь [окружающих]. С годами и его обращением к Христу моя прежняя любовь к нему превратилась в благоговение. [2] Это человек, посредством которого я приветствую вас с горячим желанием увидеть вас очень скоро, если даст Бог и позволит состояние общественных дел. Если мое желание не докучает вам, дайте мне знать с этим же посыльным, в каких местах вы ожидаете оказаться и когда. Я твердо намерен освободиться от всех трудностей и препятствий, [создаваемых] собственными делами, и позволить себе привилегию долгих и сокровенных часов в вашем обществе, если только особые обстоятельства не нарушат моих планов, как, я боюсь, [все же], может произойти. [3] Возможно, вам тоже стоит обсудить [мое предложение] с братом Фаустином в свете

возможных событий. Я сделал его своим полномочным представителем, потому что люблю его и знаю, что он отвечает мне взаимностью. Если он оправдывает мое доверие, то я буду очень благодарен. Окружающие глубоко уважают его, и, возможно, он ничего не теряет от того, что не является [на самом деле] образцом совершенства. Будьте здоровы» (Sid. Ep. IV, 4).

На наш взгляд, показательно, что письмо фактически посвящено курьеру и его в высшей степени благожелательным оценкам, поскольку содержательно оно несет в себе лишь информацию о возможных и желаемых встречах с адресатом в будущем. Вероятно, целью этого послания является не столько получение или сообщение сведений, сколько установление нового канала связи с важным корреспондентом.

Второе послание без даты (Ep. IV. 7) адресовано, опять же, брату Сидония — Симплицию. В целом, это также один из типичных образцов рекомендательного письма, хотя в этом случае автор решительно настроен против посланника. Он не называет его имени, только указывает, что этот человек — почтальон (*baiulus apicum*). Такое пренебрежительное отношение курьер заслужил своей невоспитанностью, говорящей о его низком социальном происхождении, а также тем, что не имел понятия о связывающих Сидония и его адресата родственных и дружеских узах.

«Сидоний приветствует своего Симплиция.

[1] “Ты подгоняешь бегущего²”, — обычный ответ человека, который хотел сделать то, о чем его не просили, но хотели бы попросить. Ты спрашиваешь, к чему я употребил это выражение? Посыльный, доставивший эти строки, настаивает на рекомендательном письме от меня, тогда как, когда я узнал, куда он собирается, мне следовало самому просить его о милости сделать это прежде, чем он [сам] произнесет это, обрекая его не столько из уважения к нему, сколько из моих теплых чувств [по отношению] к тебе. Что же касается прочего, мой посланник считает, что, оказывая мне услугу, он заслужит [возможность] поворота [своих дел] к лучшему. Он достиг того, чего хотел, но никогда и не помышлял, насколько крепка та связь, которая объединяет тебя и меня.

² Здесь аллюзия на древнеримскую пословицу «*Addere calcaria sua sponte currenti*» (букв. подгонять того, кто и так бежит), т. е. прибегать к ненужному вмешательству. См.: [Дворецкий, 1976: 281].

[2] Хотя я и нахожусь вдали, я могу вообразить себе его ступор по прибытии, когда он обнаруживает, что нет никакой необходимости в рекомендациях, и на самом деле просить их было излишним, т. к. тот простой факт, что он прибыл от меня, уже гарантирует ему радушный прием. Я могу видеть все так, как если бы я там находился: новизна всего для человека, чей ум не слишком остер; смущение постороннего, приглашенного в чужой дом, или нервничающего гостя, вовлекаемого в беседу, или сельского парня, которого зовут поучаствовать в изысканном увеселении, или бедного человека, посаженного за роскошный обеденный стол. На самом деле, это выглядит странно для человека [родом] из мест, где плохо приготовленная пища и слишком много лука составляют единственную еду, обнаружить себя на благородном приеме, так, как будто он всю жизнь, подобно Апицию, едал на византийских пирах. [3] Во всяком случае, какими бы ни были его заслуги или значимость, он как нельзя лучше помог мне выплатить мой долг дружбы. Люди такого типа часто остаются за рамками описания [в письмах], в то же время друзья, которые, подобно нам, для общения друг с другом обращаются к эпистолярному жанру, потеряли бы шанс писать, если бы они слишком шепетильно относились к субъектам, доставляющим их послания адресату. Будь здоров» (Sid. Ep. IV, 7).

Таким образом, в рассматриваемых случаях Сидоний демонстрирует нам диаметрально противоположное отношение к курьерам. Первого он называет по имени (Фаустин) и фактически посвящает ему львиную долю текста, второго даже не считает нужным именовать. Для аристократии позднеантичного периода неверное толкование социальной связи между двумя людьми, в данном случае незнание о существующей между автором и адресатом прочной дружбе, было серьезной ошибкой. Таким образом, недовольный этим, Сидоний приглашает читателей посмеяться вместе с ним над культурной неполноценностью писмоносца. Пайдейя Сидония проявляется здесь в контрасте тона между описанием гипотетического грубого поведения курьера и изощренностью намеков на Апиция³ и утонченные византийские пиры. И, хотя,

³ Марк Гавий Апиций, известный римский гурман (I в. н. э.), автор трактата "*De re coquinaria*".

в целом, оба письма являются типичными образцами рекомендательных писем, каковые были распространены в период поздней античности, разница между отношением к двум посланникам обусловлена социальными и культурными различиями между ними: Фаустин одного круга с Сидонием, что объясняет общность их интересов, второй курьер — «простоватый деревенский парень», и, конечно, ничего общего, кроме разовой доставки послания дорогому родственнику, между ним и утонченным аристократом Сидонием быть не может.

Возвращаясь к вопросу о доверии и о надежности посыльного, обратим внимание еще на одно письмо нашего автора — IV. 12, датируемое тем же 472 г. и адресованное любимым родственникам Сидония — Симплицию и Аполлинарию. Данное послание призвано наладить коммуникацию, прерванную по вине курьера. В первом фрагменте письма речь идет о ситуации, в которой Сидоний узнает о потере ответных писем его родственников. Сидоний с его сыном читали вслух «Третьейский суд» (*Epitrepontes*) Менандра, когда «внезапно появился раб с хмурым лицом» (Sid. Ep. IV. 12, 2). Встревоженный, Сидоний спросил: «Что случилось?» “Чтеца⁴, — отвечает, — по имени Констант, посланного с поручениями к господам Симплицию и Аполлинарию, только что видел у входа. Он говорит, что доставил Ваши письма, но потерял ответы, переданные ему для Вас”. [3] Как только я услышал это, штормовое облако раздражения повисло на чистом небосводе моей радости; неудача настолько рассердила меня, что в течение нескольких дней я был безжалостен и запретил этому болвану [Константу] показываться мне на глаза. Я хотел, чтобы он прочувствовал свою вину, пока не вернет мои письма все до одного, не говоря уже о ваших ... [4] Однако через некоторое время мой гнев мало-помалу ослабел; я сам послал за ним и спросил, было ли ему доверено передать что-либо на словах, кроме писем. Он был испуган и готов был ползать у моих ног, осознавая свою вину, он заикался и не мог смотреть мне в глаза, но все-таки ему удалось вымолвить: “Ничего”. Сообщение, в котором я должен был получить так много наставлений

⁴ Имеется в виду низший клирик, читающий вслух выдержки из Писания во время литургии.

и приятных вещей; все это содержалось на утерянных страницах. Поэтому для вас ничего не остается, как снова обратиться к своим табличкам, раскрыть свои пергаменты и написать все заново. С философским спокойствием я снесу эту неудачу до того часа, пока эти строки не дойдут до вас, и вы узнаете, что ваши уже никогда не дойдут до меня»⁵.

При анализе текста интерес представляет тот факт, что хозяин писем не пытается выяснить, при каких обстоятельствах случилось это происшествие. Вместо этого два абзаца посвящены демонстрации досады и гнева благородного господина, что, во-первых, свидетельствует о тревоге или даже страхе от того, что коммуникация может прерваться в любой момент, а также о том, что утрата посланий была делом, в общем-то, обычным для того времени, как мы уже отмечали выше. Для автора важны не причины инцидента, а поддержание связи.

Первое обстоятельство, которое может показаться пустячным, на самом деле, имеет огромное значение: постоянно циркулирующая корреспонденция в то время была не просто способом узнать, что с близкими людьми все в порядке, но и ощутить посредством литературной переписки свою исключительность, потому что это занятие было свойственно только людям высокообразованным, а также прочувствовать некоторую стабильность привычного образа жизни (хотя бы в преданности утонченной литературе!) на фоне общей нестабильности политической ситуации.

Эпистолярная сеть, включавшая представителей интеллектуальной элиты, не просто позволяла держаться вместе, но и давала возможность влиять на социальное окружение или демонстрировать свою влияние, представив «почтальона» человеку своего круга, рекомендовав его другому *viro bono* «со связями». Это было особенно ценно в трансформирующейся социальной и политической среде позднеантичного Запада в период его заката в 470-е гг., когда практически утрачивают свое значение привычные статусные маркеры, прежде всего, имперские посты, и привилегированное положение можно было подтвердить социальными связями с себе подобными.

⁵ Полный перевод данного письма см.: [Литовченко, 2021: 200—203].

Заключение

Таким образом, эпистолярная сеть включала не только адресантов и адресатов, но и курьеров, как посредников между ними, а также широкую публику, поскольку чтение вслух полученных посланий, часто в большой компании, было одним из видов досуга аристократов. Роль курьеров трудно переоценить: фактически, благодаря их посредничеству, эпистолярная сеть функционировала. Часть посредников в доставке писем, имеющих более высокое происхождение, включалась в ближний круг; менее привлекательные или достойные фигуры также были полезны не только собственно доставкой корреспонденции, но и тем, что служили своего рода выигрышным фоном для благородного аристократа.

Конвергенция действующих лиц эпистолярных сетей и их связей посредством деятельности курьеров является важной особенностью позднеантичной социальной коммуникации. Они обеспечивали систематический обмен письмами, тем самым, способствуя не только постоянному общению, но и обеспечению социальной идентичности.

Список источников

- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
- История ментальностей и историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е. М. Михина. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 1996. 254 с.
- Литовченко Е. В.* Сидоний Аполлинарий. Письма (I. 1; II. 8; IV. 12). Перевод // Классическая и византийская традиция: материалы науч. конф. «Классическая и византийская традиция» / под ред. Н. Н. Болгова. Белгород, 5 окт. 2011 г. Белгород: НИУ «Белгород. гос. ун-т», 2011. С. 200—203.
- Alcimi Edicii Aviti Viennensis episcopi Opera quae supersunt / rec. R. Peiper // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. T. VI, p. 2. Berlin: Weidmann, 1883. 376 p.
- Apollinaris Sidonii Epistolae et carmina // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. T. VIII / eds C. Luetjohann and B. Krusch. Berlin: Weidmann, 1887. 484 p.
- Ennodius Magnus Felix. Opera omnia // Corpus Scriptorum Ecclesiarum Latinarum. Vol. V—VI / ed. G. Hartel. Vienna: C. Gerold, 1882. 722 p.

- Gillett A. *Envoys and Political Communication in the Late Antique West*, 411—533. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 335 p.
- Mathisen R. W. *'Sidonius' People* // *The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris* / eds G. Kelly, J. van Waarden. Edinburgh: The Edinburgh University Press, 2020. P. 67—68.
- Ruricii *Epistularum libri duo* // *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. T. XXI. *Fausti Reiensis et Ruricii Opera* / ed. A. Engelbrecht. Lipsiae: B. G. Teubneri, 1891. P. 349—442.
- The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris* / eds G. Kelly, J. van Waarden. Edinburgh: The Edinburgh University Press, 2020. 856 p.
- Q. Aurelii Symmachi *Quae supersunt* / ed. O. Seeck // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi*. T. VI. Berlin: Weidmann, 1883. 355 p.

References

- Dvoretzkiy, I. H. (1976), *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary], Russkii iazyk, Moscow, Russia.
- Engelbrecht, A. (ed.) (1891), 'Ruricii *Epistularum libri duo*', in *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*, t. XXI, *Fausti Reiensis et Ruricii Opera*, B. G. Teubneri, Lipsiae, Germany: 349—442.
- Gillett, A. (2003), *Envoys and Political Communication in the Late Antique West*, 411—533, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hartel, G. (ed.) (1882), 'Ennodius Magnus Felix. *Opera omnia*', in *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*, vol. V—VI, C. Gerold, Vienna, Austria.
- Kelly, G and Waarden, J. van (eds) (2020), *The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris*, The Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Litovchenko, E. V. (2011), 'Sidonius Apollinaris. Letters (I. 1; II. 8; IV. 12). Translation', in Bolgov, N. N. (ed.), *Klassicheskaya i vizantiyskaya traditsiya: materialy nauchnoi konferentsii* [Classical and Byzantine tradition, proceedings of the scientific conference], Belgorod, Russia, 5 October 2011, NIU "Belgorodskii gosudarstvennyi universitet", Belgorod: 200—203.
- Luetjohann, C. and Krusch B. (eds) (1887), 'Apollinaris Sidonii *Epistolae et carmina*', in *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi*, t. VIII, Weidmann, Berlin, Germany.
- Mathisen, R. W. (2020), 'Sidonius' People', in Kelly G and Waarden, J. van (eds), *The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris*, The Edinburgh University Press, Edinburgh, UK: 67—68.

- Mikhina, E. M (comp.) (1996), *Istoriia mental'nostei i istoricheskaiia antropologiiia. Zarubezhnye issledovaniia v obzorakh i referatakh* [History of mentalities and historical anthropology. Foreign research in reviews and abstracts], Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Peiper, R. (ed.) (1883), Alcimi Ecdici Aviti Viennensis episcopi Opera quae supersunt, in *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi*, t. VI, p. 2, Weidmann, Berlin, Germany.
- Seek, O. (ed.) (1883), Q. Aurelii Symmachi Quae supersunt, in *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi*, t. VI. Weidmann, Berlin, Germany.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 01.08.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Е. В. Литовченко — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия.

Е. А. Семичева — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

E. V. Litovchenko — Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of World History, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia.

E. A. Semicheva — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of World History, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia.